

Изуку не смог сдержать легкой дрожи, когда доктор буквально применил электро вибрирующую пилу к его гипсу. Он был вполне способен без проблем броситься на злодея, при этом у него не было ничего, кроме банки из-под супа и пары деревянных палок, но он боялся доктора, который даже не пытался причинить ему вред? Что за фигня с ним? Может быть, это как-то связано с адреналином? Люди стали меньше бояться в ситуациях, угрожающих жизни, поэтому они не вырубались?

Доктору потребовалось всего несколько минут, чтобы закончить срезать гипс: “Хорошо, Мидория, теперь ты можешь идти. Просто будь осторожен в будущем, потому что я не хочу видеть тебя здесь снова, хорошо?”

“Вы действительно так сильно меня ненавидите?” Изуку не смог удержаться от хихиканья,

“Врачи демонстрируют свою заботу при лечении, но они искренне желают никогда не видеть вас больше в роли пациента.”. Сухо сказал доктор. “Если вы видите, что врач взволнован, когда вы оказались у него в кабинете, то скорее найдите другого врача”.

“Давай, Изуку, ” улыбнулась мама, “ пойдем”.

“Подожди!” Изуку прикусил губу. “Могу ли я сохранить свой гипс?”

Доктор выглядел слегка удивленным, но передал его без каких-либо вопросов и открыл дверь, чтобы они могли уйти.

“Спасибо!” Изуку улыбнулся и слегка помахал рукой. Они с мамой прошли обратно через зал ожидания, и Изуку не смог сдержать вздоха облегчения, как только они вышли на улицу.

“Рад, что закончилось время с гипсом?” Сказала мама с улыбкой.

“Да!” Сказал Изуку. “Я так рад снова полностью использовать обе свои руки!”

Больше всего он был взволнован тем, что наконец-то снова сможет выходить на улицу ночью! У него не хватило смелости выйти на улицу после боя с про-героем, потому что он полагал, что у других героев была бы аналогичная реакция на его гипс, и Сотриголова, вероятно, к этому моменту уже рассказал всем о его сломанной руке, но Изуку скучал по всем. Конечно, на самом деле он не разговаривал с большинством героев, но все равно было приятно видеть их, когда он убегал.

“Почему ты хотела сохранить гипс?” Спросила мама. “Я думала, ты захочешь оставить все это позади. Сломанная рука, травля, и все такое”.

Изуку посмотрел на гипс, или, точнее, на подпись под ним, и улыбнулся: “Да, но это подписал Каминари. Это делает его особенным. И если бы я не сломала руку, мне бы никогда не пришлось в голову попробовать онлайн-школу, так что ... да. Думаю, это было не так плохо”.

Мама улыбнулась: “Я так горжусь тобой, Изуку. Ты выглядишь намного счастливее с тех пор, как ты ушёл из той школы. Как продвигаются онлайн занятия?”

Остаток пути домой Изуку провел, бессвязно рассказывая о том, что он узнал на своих занятиях. Он хорошо справлялся со всеми своими основными занятиями, и его домашнее задание по программированию было действительно легким, учитывая дополнительную практику, которую он получил, когда взламывая камеры и средства связи в качестве Виридиана, не то чтобы он говорил об этом маме. Но, безусловно, его любимыми занятиями было теории причуд. Когда он закончил урок рисования, он заменил его более продвинутым зачетом по теории причуд, так что в его расписании было два из них. Это было так весело!

“... и есть теория, которая набирает обороты в последние несколько лет, называемая теорией причудливой сингулярности, которая в основном утверждает, что причуды будут становиться все более мощными и сложными с каждым поколением, и вскоре никто не сможет их контролировать”, - бессвязно пробормотал Изуку. “Я понимаю, откуда у них идея, что причуды станут более сложными, есть масса доказательств, но я думаю, гораздо более вероятно, что тела и разум людей эволюционирует, чтобы контролировать более мощные причуды. Вероятно, поэтому она еще остается теорией, но у нее все же есть преданные поклонники”.

Мама с интересом кивнула, хотя Изуку знал, что она на самом деле не понимает, о чем он говорит. Для него много значило, что она слушала. Никто другой не делал этого за него. Изуку не мог не задаться вопросом, слушали бы Сотриголова или Каминари так же, если бы он бродил вокруг них. Он знал, что, вероятно, надеяться на это слишком сложно, но...это было бы неплохо.

“Привет, Бакуго!” Огава помахал рукой, когда вошел Кацуки с кувшином воды. “Тебе стоит посидеть с нами сегодня! Если ты не слишком напуган или что-то в этом роде?”

Кацуки не был трусом. Или, ладно, может, и был, но он не собирался позволить Огаве безнаказанно называть его трусом: “Что ты сказал, придурок? Я не боюсь таких дерьмовых статистов, таких как ты!”

“Отлично!” Косичка указала на стул рядом с ней: “Теперь это твое место”.

Катсуки фыркнул и тяжело опустился на предложенный стул, скрестив руки на груди, что, как он надеялся, означало не разговаривай со мной, если хочешь жить. К сожалению, что-то, должно быть, потерялось в переводе, потому что эти глупые дополнения продолжали беспокоить его.

“Кстати, Бакуго, кажется, я так и не представилась”. Весело сказала Косичка. “Я Хару Акико”.

Кацуки отложил название на потом, “Мне все равно”.

“А я Эйко Маки”. - сказал Экстра, похожая на Франкенштейна. “Как прошла неделя?”

“Это было неважно”. Кацуки проворчал. По правде говоря, это начинало действительно раздражать. Он не знал, как он вообще мог быть настолько глуп, чтобы пропустить все издевательства, которые происходили в Альдере, но теперь, когда он знал, что нужно искать это, и больше в этом не участвовал, казалось, что это было повсюду, и он ничего не мог с этим поделать. Это заставляло его чувствовать себя беспомощным, а Кацуки ненавидел чувствовать себя беспомощным.

“Да, моя тоже”. Акико сказала: “Мой бывший пытался вернуться в мою жизнь. Я имею в виду, он конечно придурок, но не знаю, почему я вообще с ним встречалась, но он появился как гром среди ясного неба несколько дней назад, вел себя так мило и подарил букет моих любимых цветов. ”

“Чего он хотел от тебя?” Спросил Огава.

“Откуда ты знаешь, что он чего-то хотел от нее?” Спросил Катуки у Огавы. Подай на него в суд, но эта история была более занимательной, чем просто стоять у стены и ничего не делать.

“Таким парням всегда чего-то хочется”. Сказал Маки. “Одно дело искренне стараться быть лучше, как мы и должны делать это здесь, но если кто-то, кто был груб с тобой, вдруг начинает быть милым, то он просто пытается использовать вас ”.

“Моя сестра делает это постоянно”. Сказал Огава. “Она предложит посмотреть со мной фильм, или помыть посуду, или еще что-нибудь, и я думаю, что мы наконец-то поладим, а потом, прежде чем я успеваю опомниться, она пытается убедить меня в том, что бы я взял вину на себя за то, что она сделала. Как только манипулятор получит то, что он хочет, он снова станет тем же мудаком. ”

“Хм”, - Кацуки на минуту задумался об этом. Да, некоторые из его учителей были такими с обиженными учениками. Он заметил это однажды, когда его учитель истории поставил ребенку более высокую оценку за задание, при условии, что они не сообщили об огромном ожоге, который Кацуки нанес парню на руку. В то время он просто думал, что учитель присматривает за ним, но теперь он знал лучше. “Так чего же хотел этот парень?”

“Хотел, чтобы я взломала сейф, который он украл”. Акико указала на свои косички, и Кацуки заметил, что они вращаются, как дрели. “Моя причуда называется “Дрель из волос”. В принципе, я могу укрепить и закрутить волосы до такой степени, что могу просверлить практически что угодно, даже металл. Очень полезно для проникновения или взлома... вот так я и оказалась здесь. ”

Катуки кивнул, задаваясь вопросом, что бы Деку подумал об этой причуде. Он, вероятно, немедленно начал бы бормотать и записывать всякую тарабарщину в свой блокнот. Кацуки прервал этот ход мыслей. Он не мог думать о Деку прямо сейчас, о том, что ботаник на самом деле перевелся в другую школу из-за того, как Кацуки обращался с ним. Не было смысла думать об этом, потому что он скорее всего больше никогда не увидит его.

По крайней мере, если у него когда-нибудь хватит наглости и смелости извиниться перед ним.

“Это отстой”. Сказал Огава. “По крайней мере, ты сказала “нет”, верно?”

“Это было очень тяжело”. Акико поморщилась. “Как только я увидела его в дверях с ярко-розовым букетом, я подумала, о, он даже вспомнил мой любимые цветы, и мне пришлось напомнить себе обо всех тех способах, которыми он смог причинять мне боль, хотя он вел себя

так мило, что это заставило меня задуматься об тех причинах, по которым я в него влюбилась”.

“Мудак”. Сказал Катуки.

“Да, так и есть”. Акико рассмеялась. “Но, эй, если бы я знала, что все, что мне нужно было сделать, чтобы вытащить тебя из скорлупы, - это поговорить о моем бывшем, я бы сделала это намного раньше”.

Катуки нахмурился: “Заткнись, статист с косичками”.

У троих хватило наглости посмеяться над этим, но, к счастью, его спасла Усилитель, начавшая собрание: “Хорошо, все, сегодня мы поговорим о том, как по-настоящему верить, что вы можете измениться, потому что одно дело признать, что вы сделали что-то плохое, но совсем другое - действительно знать, что вы можете изменить привычки и поведение, из-за которых вас арестовали. Однако эта уверенность важна. Как вы думаете, почему она важна?”

Один из злодеев поднял руку: “Если мы на самом деле не думаем, что это сможет что-то изменить, то мы и не будем прилагать усилий, чтобы измениться”.

“Точно”.

Усилитель улыбалась и продолжила говорить, но в итоге Кацуки погрузился в свои мысли. Он действительно верил, что сможет стать лучшим человеком? Это была единственная причина, по которой он был здесь, верно? Он бы не вызвался добровольцем на это сентиментальное дерьмо, если бы на самом деле не думал, что это поможет.

Но опять же, он всегда верил, что он лучший, и посмотрите, к чему это привело. Эти злодеи-статисты, возможно, приняли несколько неправильных решений, но...они не казались плохими людьми, не такими, каким был Кацуки. Он был выбит из задумчивости Огавой, ткнувшим его локтем в ребра и смотревшим на него с любопытством и беспокойством. Кацуки в ответ свирепо посмотрел на него, но решил, что ему лучше на самом деле послушать, что говорит Усилитель, если он не хочет, чтобы его снова беспокоили.

“Для этого мы собираемся выполнить партнерское упражнение, - сказала она, - поэтому повернись к человеку рядом с вами. Вам не нужно ничего говорить, просто подумайте минуту. Как вы думаете, способен ли ваш партнер стать лучше?”

Катуки закатил глаза, но повернулся к Огаве, который пристально смотрел на него, вероятно, решив, что его дело проиграно. Разве смысл этого урока не в том, чтобы поверить в себя? Конечно, Огава мог измениться, это даже не вопрос. Возможно, парень принял несколько глупых решений и украл кое-что, но он пытался стать лучше и хотел изменить свою жизнь. Он был хорошим парнем, так что у Кацуки не было никаких сомнений, что после окончания этой дурацкой программы и удаления записи о его аресте, Огава сразу станет добропорядочным гражданином, в отличие от Кацуки, который всегда будет тупым хулиганом.

“Хорошо”, - Усилитель на мгновение активировала свою причуду, чтобы она могла говорить достаточно громко, чтобы привлечь все их внимание, - “возможно, вам интересно, почему я

заставил вас это сделать. В конце концов, вера в чей-то потенциал не поможет вам, верно? Ну, и да, и нет. Дело в том, что часто намного легче проявлять терпение и сострадание к кому-то другому, чем к себе. Вы и ваш партнер не так уж сильно отличаетесь, и если они могут измениться, вы тоже можете. И теперь у вас есть кто-то, кто верит в ваш потенциал! Продолжайте и минутку поговорите со своим партнером о том, каким это упражнение было для вас ”.

Огава рассмеялся: “Чувак, она что, только что обманом заставила нас поверить в себя?”

“Какого хрена?” Катуки слегка пошатнулся. Это действительно имело смысл, что он, вероятно, был бы более суров к себе, чем к остальным в группе ... но это потому, что Кацуки должен был быть лучшим, верно? Вина и ненависть к себе, которые он испытывал, не могли быть нормальными, не так ли?

“Для протокола, Бакуго, я думаю, она права”. Сказал Огава. “Я имею в виду, я думаю, довольно очевидно, что ты можешь измениться, даже если я не знаю точно, почему ты чувствуешь, что тебе это нужно, но я? Все, что я вижу, это то, что возвращаюсь к своим старым привычкам в ту минуту, когда все это заканчивается. ”

“Ты хочешь , чтобы тебя ударили?” Ладно, это прозвучало не совсем правильно, но суть была передана. “Ты хороший человек, Огава, так что, конечно, этот дурацкий урок сработает на тебе. Если ты думаешь, что вернешься к преступной жизни, ты окажешься большим идиот, чем кажешься ”.

Огава потрясенно рассмеялся: “У тебя интересный способ произносить вдохновляющие речи, чувак, но это работает. Спасибо ”.

Катуки фыркнул и отвернулся: “Как скажешь”.

Несколько секунд они сидели в тишине, прежде чем фильтр “мозг - рот” Кацуки, очевидно, решил, что хочет спросить: “Ты имел в виду то, что сказал?”

Огава выглядел слегка смущенным: “Что? Что я сказал?”

Катуки провел рукой по волосам: “Фу! Знаешь, это дерьмо о том, что очевидно, что я могу измениться. Это была чушь собачья или ты действительно в это веришь?”

Кацуки начал жалеть, что сказал что-либо. Конечно, Огава сказал это просто потому, что это было то, что Усилитель сказала ему сказать. Даже слепой смог бы увидеть, что Катуки всегда будет мудаком.

“Конечно, я верю в это, Бакуго”. Огава выглядел так, словно считал Кацуки идиотом. “Тебе сколько? Пятнадцать? Возможно, ты немного груб по краям, но тебя нельзя исправить. Ты даже стараешься изо всех сил, чтобы стать лучше, так что нет, я не лгал, когда сказал, что, по-моему, ты можешь измениться. Тебе просто нужно немного времени. ”

Если бы Катуки был ботаником, он, вероятно, начал бы плакать, так что хорошо, что он не Деку. Возможно, только возможно, Усилитель говорил правду о том, что легче верить в кого-то другого.

“Я хочу быть героем”. Импульсивно сказал Катуки. Он говорил это так много раз за эти годы, но он не думал, что произнес это хотя бы раз с тех пор, как ушел Деку, поэтому почему-то это показалось важным. Он не чувствовал себя достойным этого, но если бы Огава верил в него...

“Хорошо”. Огава пожал плечами. “Какое это имеет отношение к чему-либо?”

“Потому что я не могу быть героем, если я мудак, придурок!”

Огава рассмеялся: “Так вот почему ты здесь? Ты хочешь, чтобы кучка злодеев научила тебя быть лучшим героем?”

Катсуки нахмурился: “Нет, мне насрать на вас, статистов. Я просто...”

“Ты хочешь стать лучше”. Огава закончил.

“Я не ...” - прорычал Катсуки, - “Послушай, я хочу быть как Всемогуций, а Всемогуций не причиняет вреда людям ради забавы или чтобы заставить себя чувствовать себя лучше. Счастлив?”

Огава несколько раз моргнул, осознав: “Ты был хулиганом”.

“Не знаю, действительно ли ты можешь использовать прошедшее время”, - пробормотал Кацуки. - “Я еще не изменился”.

Слева направо, это Маки, Акико, Бакуго, Огава и Усилитель

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/93439/3490731>